

INSTYTUT SŁAWISTYKI
POLSKIEJ AKADEMII NAUK

WYDZIAŁ ORIENTALISTYCZNY
UNIwersYTETU WARSZAWSKIEGO

ANTROPOLOGICZNO-JĘZYKOWE WIZERUNKI DUSZY
W PERSPEKTYWIE MIĘDZYKULTUROWEJ

————— TOM PIERWSZY —————

DUSZA W OCZACH ŚWIATA

POD REDAKCJĄ EWY MASŁOWSKIEJ, DOROTY PAZIO-WŁAZŁOWSKIEJ

WARSZAWA 2016

Recenzje

Anna Tyrpa, Beata Wałęciuk-Dejneka

Okładka

Krzysztof Kościuk

Na czwartej stronie okładki: Nagrobek Lusi Raciborowskiej
na Starych Powązkach w Warszawie, fot. Stanisław Perzyński.

Redakcja i korekta

Barbara Grunwald-Hajdasz

oraz

Jakub Ozimek (teksty angielskie),
Dorota Pazio-Wlazłowska i Małgorzata Chudzyńska (teksty rosyjskie),
Dorota Leśniewska (teksty czeskie)

Skład

Jerzy Michał Pieńkowski

© Copyright by Ewa Masłowska, Dorota Pazio-Wlazłowska
& individual articles to their authors, 2016

© Copyright by Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk
& Wydział Orientalistyczny Uniwersytetu Warszawskiego, 2016

ISBN: 978-83-64031-48-9

978-83-64031-50-2 (e-book)

Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk
ul. Bartoszewicza 1b lok. 17
00-337 Warszawa
tel./fax. 22/ 826 76 88

sow@ispan.waw.pl, www.ispan.waw.pl

Spis treści

Wstęp (<i>Ewa Masłowska</i>)	7
--------------------------------------	---

Część pierwsza

Dusza z perspektywy humanistyki

Rozdział 1. Humanistyka: od <i>spirytualizmu</i> do <i>somatyzmu</i> (<i>Izabella Bukraba-Rylska</i>)	11
Rozdział 2. 'Dusza' – kulturowy klucz do nieśmiertelności (<i>Urszula Lehr</i>) ...	27
Rozdział 3. Dusza niczym złoto, dusza niczym wąż – hermeneutyczny głos w dyskusji o naturze duszy (<i>Monika Nowakowska</i>)	39
Rozdział 4. Koncepcja duszy pojedynczej jako oznaka racjonalności starożytnych Greków (?) (<i>Daria Szymańska-Kuta</i>)	55
Rozdział 5. Kilka uwag o związkach duszy i głosu w świetle wybranych pism filozoficznych (<i>Magdalena Majdak</i>)	67
Rozdział 6. Pojmowanie duszy w judaizmie (<i>Roman Marcinkowski</i>)	79
Rozdział 7. Troista natura człowieka w świetle twierdzeń o niezupełności Gödla (<i>Kamil Popowicz</i>)	93
Rozdział 8. Dusza w czasach ponowoczesnej reprodukcji (<i>Marta Zajac</i>)	105
Rozdział 9. Dusza zatracona (<i>Jadwiga Mizińska</i>)	115

Część druga

Konceptualizacja duszy w języku

Rozdział 10. Judeochrześcijańskie pojęcie duszy w świetle faktów językowych (<i>Renata Grzegorzczak</i>)	127
Rozdział 11. Wyrazy „dusza” i „ciało”. Kolokacyjność słów i kontekstowa aktualizacja znaczenia DUSZA (<i>Włodzimierz Wysoczański</i>)	137
Rozdział 12. Doświadczenie duszy – doświadczenie ciała. O dwóch znaczeniach leksemu <i>dusza</i> we współczesnej polszczyźnie (<i>Dorota Filar</i>)	155
Rozdział 13. Душа и сердце как органы «шестого чувства» (на материале русского языка) (<i>Елена Л. Березович</i>)	179
Rozdział 14. Душа и сердце в русских и словацких текстах по данным сопоставительного лингвокогнитивного анализа (<i>Наталья Б. Корина</i>) ...	195
Rozdział 15. Сердце и душа как органы чувств в славянской и балтийской языковых моделях эмоционального мира человека (на материале фразеологизмов русского, болгарского, словацкого, чешского, латышского и литовского языков) (<i>Татьяна Стойкова</i>)	217
Rozdział 16. Концепты DUSZA и душа в польских и русских паремиях (<i>Ольга Макаровска</i>)	229

Rozdział 17. DUSZA w definicji, frazeologii i przysłowiach tureckich (<i>Kamila Barbara Stanek</i>)	247
Rozdział 18. Duše v českém jazykovém obrazu světa. Kontexty, významy, konceptualizace (První poznámky) (<i>Irena Vaňková</i>)	271
Rozdział 19. Сербские фразеологизмы с лексемой душа в сопоставлении с другими славянскими языками (<i>Деян Айдачич</i>)	287
Rozdział 20. О русской душевности (<i>Ольга Фролова</i>)	305
Rozdział 21. Dusza w słowiańskiej antroponimii (głównie na przykładzie antroponimii polskiej) (<i>Wanda Szulowska</i>)	319
Rozdział 22. Słowotwórczy obraz duszy (<i>Iwona Burkacka</i>)	327
Rozdział 23. Dusza Jana Kochanowskiego – spojrzenie językoznawcy (<i>Krystyna Data</i>)	347
Rozdział 24. DUSZA NARODU. DUCH NARODU. Werbalizacja pojęcia ‘wewnętrzny duchowy pierwiastek wspólnoty narodowej’ w wybranych językach europejskich (<i>Aleksandra Niewiara</i>)	357

Część trzecia

Dusza w języku i kulturze tradycyjnej – w folklorze, obrzędach, rytuałach i wierzeniach

Rozdział 25. Метемпсихоз в славянских народных представлениях (<i>Светлана М. Толстая</i>)	379
Rozdział 26. Восточнославянские и еврейские народные рассказы о явлении души (к проблеме взаимодействия фольклорных традиций) (<i>Ольга В. Белова</i>)	393
Rozdział 27. Duše v českých folklorních písňových textech (<i>Ladislav Janovec</i>) ...	407
Rozdział 28. Нарративы о покойниках и народная фразеология о душе в традиционной культуре староверов Латгалии (<i>Елена Королева</i>) ...	417
Rozdział 29. Странствия души на том и этом свете: современная севернорусская традиция (<i>Андрей Б. Мороз</i>)	435
Rozdział 30. Dusze zmarłych w ludowej obrzędowości pogrzebowej i zaduszkowej w Opoczyńskim i Radomskim (<i>Zdzisław Kupisiński</i>)	455
Rozdział 31. Dziad i baba – strażnicy duszy (w języku i polskiej kulturze ludowej) (<i>Ewa Masłowska</i>)	467
Rozdział 32. Мультипликация души: славянские поверья о двоедушниках (<i>Марина Валенцова</i>)	487
Rozdział 33. Duchy zmarłych w tradycyjnych wierzeniach narodu Sacha (Jakutów) (<i>Robert Zawisza</i>)	501
Rozdział 34. Душа зверей и вещей: материальные значения души (<i>Галина Кабакова</i>)	515
Rozdział 35. Najukochańszy! Piśzę do Ciebie... Listy do nieba jako forma internetowej komunikacji z zaświatami (<i>Marta Wójcicka</i>)	529
Rozdział 36. Wiecznie żywi... Formy nieśmiertelności bohaterów folkloru radzieckiego lat 20.–30. XX wieku (<i>Iwona Rzepnikowska</i>)	543

Rozdział 32

Мультипликация души: славянские поверья о двоедушниках

Марина Валенцова
Институт славяноведения РАН

Резюме

В статье рассматриваются карпато-славянские и балканские представления о *двоедушниках* – ведьмах, колдунах, вампирах и особенно – об атмосферных демонах. Подобные представления имеют многие другие народы, в том числе финно-угорские. Предполагается, что поверья о *двоедушниках* на Карпатах были активизированы и трансформированы древними венгерскими и другими кочевыми племенами, которые появились в Юго-Восточной Европе во второй половине первого тысячелетия н. э. Финно-угорская идея о том, что каждый человек имеет две души, и поверья о *талтошах*, колдунах, которые могли управлять тучами, были трансформированы на славянской почве в поверья о полудемонах, которые имели две души (или два сердца) и могли управлять погодой. Славянская терминология указывает на относительно позднее формирование этих персонажей на Карпатах. У других славян подобная терминология не сложилась.

Ключевые слова: этнолингвистика, славянская демонология, карпато-балканские схождения, двоедушник, финно-угорское влияние.

Тема души – человека, животных, растений – одна из сквозных тем в славянской народной культуре. Отдельную область составляют представления о двоедушии, реже – о множественности душ человека (ср.: «У наиболее зловредной Б<осорки> три души; имеющая две души – менее сильная, сфера ее влияния – пространство за пределами села; имеющая одну душу живет в селе, ходит по межам, границами полей, вблизи воды» [Усачева 1995: 241]).

В статье будут рассмотрены только поверья о собственных душах человека – обычного или «знающего», а также полудемонов. Сюжеты о подселении в человека чужой, второй души обычно связываемые с болезнью, рассматриваться не будут, так же, как и временное «двоедушие» беременной, у которой, по тамбовскому выражению, «душа в душе», тема двоедушия инородцев (см., например, [Белова 1999: 174]), а также мотив двойника человека (в виде камня, дерева), уничтожение которых ведет к смерти человека.

Сюжеты о двоедушниках сконцентрированы на Карпатах и на Балканах и представлены в традициях: польской, словацкой, карпато-украинской (с наличием соответствующей терминологии) и сербской, черногорской, болгарской и македонской, где термина «двоедушник» нет. В неславянских Карпатах подобные поверья зафиксированы в венгерской и румынской традициях.

У поляков, словаков, карпато-украинцев эти сюжеты включены в демонологические представления о ведьмах, колдунах и других «знающих» (пастухах, знахарях и под.), а также ходячих покойниках, упырях, морах, водяных. По польским поверьям (силез., окр. Славков), ведьмак стригонь имеет две души, одна из которых после смерти остается в теле и впоследствии «оживляет» его и заставляет ходить [Толстая 1999: 163]. *Strzyga, strzygoń* – некрещеный человек, который ходит после смерти, что связывают с верой в наличие у него двух душ (*dwa duchy*) (Обидза, Сондецкое воев., карпат. [Lehr 1982: 134–135]). Люди, которые при жизни имели *dwóch duchów* (добрую и злую души) или *dwa serca* после смерти могут стать упырями (*upiór*): «Upirz za życia ma dwa serca i czerwony kark, i kiedy umiera, to jedno tylko serce z nim ginie, a drugie żyje i jest powodem jego wędrówek pośmiertnych», или утопленниками: «*Topielec* – to także człowiek o dwóch duchach, którego czart utopił, a który po śmierci innych topi ludzi» (Tarnowskie, Rzeszowskie [Pełka 1987: 83, 164, 167]).

У словаков зафиксированы термины: ср.-словац. *dvojdušnica, dvojdušnicä, dvojdušnik*, а также в виде фразем: *dvoch duchov (mať)* (Закопчие, окр. Чадца [AT ŮEt, inv. č. 578B]); *dva duchy mať, dve srdcia mať* (Петровице, окр. Собранце [AT ŮEt, inv. č. 50], Гажин, Крашок, Ложин, окр. Михаловце [AT ŮEt, inv. č. 50]), *dva duchy mať* (Галиговце, окр. Ст. Любовня [AT ŮEt, inv. č. 790/A]), *má dvoje srcov* (Малагина, окр. Д. Кубин [SMS 1928/2:62]), *s dvoma srdciami* (Липтов, ср.-словац.), *dve srdcia* (Гельпа, окр. Б. Быстрица [AT ŮEt, inv. č. 763]). Например: Это была *босорка*; говорили, что она была двоедушницей (*dvojdušnicä*) и ходила высасывать (Велична, окр. Д. Кубин) [Ripka 1994: 418]. *Dvojdušnicä* – это ведьма, или мора, которая ходила по ночам высасывать из людей

кровь, отчего люди сохли и болели, иногда и умирали (Ревинше, Орава) [Habovštiak 2006: 274–275]. *Dvojdušník* ‘мифологический персонаж, который давит по ночам’ (Ясенова, окр. Д. Кубин) [Ripka 1994: 418]. Тот, у кого *dve srdcia* – *strigôň* (Погорела, окр. Б. Быстрица) [AT ŪEt, inv. č. 763]. Одна из душ человека, который имел при жизни две души, после смерти блуждает по свету в виде *моры* (с. М. Франкова), наваливается на спящих людей. Она очень тяжелая, поэтому человек не может пошевелиться, закричать, только хрипит и стонет (Замагурье, словац.) [Blagoeva-Neumanová 1976: 115].

По рассказам закарпатских украинцев, «есть такие люди, называющиеся *двадушні, двадушникыи*, как у нас говорят *упирі, упирьяк*. Душа из них выходит, когда он захочет... а если упырь умрет, то еще ходит по свету [Толстая 2000: 69]. Русин. *дводушник* – оборотень: «Кой го хоронили, та пак ударили му в груди акацовый кул, бо вун був двудушник» [Керча 2007: 206]. *Dvodušník* (Торунь, Титковцы, Прислоп (Верховина) [Плотникова 2009а: 215]; *D'v'idušnik* – ‘(мифол.) двоедушник’ [Николаев, Толстая 2001: 80].

По народным понятиям, иметь *две души* опасно. Это связывается, в том числе, с отрицательной семантикой числа два, которая, в свою очередь, мотивировала представления о том, кто является или станет двоедушником. Например, это ребенок, который родится с зубами (*rodzi się z zębami* – Обидза, Сондецкое воев., карпат.) [Lehr 1982: 134–135], у кого на темени две макушки (Гажин, Крашок, окр. Михаловце, в.-словац. [AT ŪEt, inv. č. 50], *człowiek, który ma dwie dusze, ma na głowie dwa koguciki z włosów* [Peřka 1987: 168]), два пятна в глазах (Вышне Ревинште, окр. Собранце) [AT ŪEt, inv. č. 50]. *Морой (mara)* становился ребенок, дважды отлученный от груди (словац., чеш., пол.) [Blagoeva-Neumanová 1976: 241].

Хотя сохранились и представления о том, что каждый человек рождается с двумя душами (иногда – душами доброй и злой) [Толстая 1999: 163], а опасность исходит из неверного действия с таким новорожденным: «Zanotowano jednakże wypowiedzi, w których zawarta jest starsza wersja mówiąca, że każdy człowiek posiada dwa duchy. Jeżeli przy chrzcie nadano mu tylko jedno imię, to po jego śmierci drugi duch (dusza), nie posiadający imienia, chodzi i napastuje ludzi» [Lehr 1984: 231]. Две души также у того, кто не был миропомазан (М. Франкова, Сп. Ганушовце, Замагурье) [Blagoeva-Neumanová 1976: 124].

Двоедушников отличает способность их второй души покидать тело во время сна и наносить вред людям и скоту. Душа двоедушника ходит по свету, как правило, по ночам в своем человеческом облике или оборачивается животными (собакой, кошкой, конем, змеей, мышью,

летучей мышью и др.), предметами (колесом, кочергой, вальком (з.-укр.)), летает в виде светящегося шара (укр. гуцул.). Пока душа путешествует, двоедушник крепко спит и разбудить его, пока душа не вернется назад в тело, невозможно [Левкиевская, Плотникова 1999: 29]. Ср. еще украинское поверье о том, что упыри прячут свою душу под камень, и пока душа не вернется в тело, он не может умереть (харьков.) [Левкиевская, Плотникова 1999: 30], которое перекликается со сказочным мотивом о Кощее Бессмертном, душа которого спрятана, как матрешка, в ряде предметов и животных. Этот мотив широко распространен в мифологии народов мира, см.: [Березкин].

После смерти двоедушника его вторая душа продолжает жить, становясь вампиром, мóрой, бродит по ночам и пьет кровь у людей и скота. «[...] to *jeden z dwu duchów* po śmierci takiego człowieka, a nie on sam, stawał się *strzygoniem*» (Обидза, Сондецкое воев., карпат.) [Lehr 1982: 135].

Всем славянам, как и многим другим народам мира¹, известно представление души в виде тени или огонька, где тень тоже осмысляется как вторая душа, живущая и после смерти человека. Так, например, тень воспринималась у болгар – в отличие от души-дыхания, которая покидает тело после смерти [Маринов 1914: 224].

Возможно, качественное различие душ (тень и дыхание – разные души) и явилось причиной отсутствия термина *двоедушие* у южных славян, подразумевающего количественное определение, удвоение подобного, мультипликацию. В. Чайканович делит душу на три вида: вегетативная душа, дух и душа; последняя – человеческий дубликат, которая странствует во время сна. Вампир, следовательно, имеет вегетативную душу, которая связана с телом [Троева-Григорова 2003: 32].

Душа-тень осмыляется как нечистый дух, демон. Предполагается, что умерший продолжает существовать в виде тени. Болгарская исследовательница Уте Дукова собрала названия демонов, производных от праслав. *šěнь и *těнь 'тень', среди которых болг. диал. *сѣнище* 'призрак, дух места, домовый, злой дух, душащий людей во сне', *сѣнка* 'невидимое существо, которое способен увидеть только тот, кто родился в субботу; в доме, где обитает подобное существо, жильцы постоянно болеют', *сенкя* 'вампир, который возникает из крови убитого и который возвращается на место убийства до тех пор, пока не закончится срок той жизни, которую погибший должен был прожить', *тенѣц* 'вампир', с.-х. *тѣнац*, *тѣњац* 'вампир', *сјен*,

¹ «Вместилищем души у многих народов считается также тень, отбрасываемая человеком, его отражение в воде или в зеркале, портретное изображение и т. п.» [Токарев 1997: 414].

сјеновник ‘дух-защитник’, *сенка* ‘тень’, ‘дух, являющийся в облике кошки, который мучает рожениц’, др.-рус. *стѣнь* ‘тень, иллюзия’, рус. диал. *постѣн*, *постѣнь* ‘тень, падающая от кого-л., чего-л.’; ‘по суеверным представлениям домового, нечистый дух, якобы давящий спящего человека’ (СРНГ 1996: 225), блр. *сцень* ‘болезнь’, рус. диал. *тень* ‘тень, душа усопшего, призрак’, пол. *cień* ‘усопшая душа, дух, тень’ [Дукова 2015: 136, 138].

Исследовательница видит в этих наименованиях отражение «широко распространенной веры в то, что тень тождественна душе. В отличие от *dixjā – души-дыхания, которая покидает тело в момент смерти, *těнь является душой мертвеца» [Дукова 2015: 138].

Как выяснила Уте Дукова, вера в то, что умерший продолжает жить дальше в виде тени, существует у всех балканских народов, ср. греч. *ἴσμιος*, *ἴσμιος* ‘тень, призрак, злой дух, душащий людей во сне’, *ἰσμιотικός* ‘дух-защитник, покровитель’, алб. *hie* ‘тень’, ‘дух’, в области Томар – призрак, напоминающий злого духа, душащего людей во сне, фея в золотом чепце, украшенном драгоценными камнями, арумын. *aúmbra* ‘тень, призрак, восставший из гроба мертвец’ [Дукова 2015: 136].

Аллюзии на эти воззрения есть и в Словакии: верили, что тот, кто наступит на *тень* другого человека, отбирает у него счастье (Велька Лесна, окр. Ст. Любовня) [АТ ŮEt, inv. č. 790], и у вост. славян: У колдуна *две тени* (ю.-рус.) и *две души* (з.-укр.) [Левкиевская 1999а: 529]. Отождествляли тень с душой человека и в Полесье, то душу называя тенью, то тень душой: «„Раз мни бабы рассказывали, что чоловік уж умер, так тень все ходила по стенам – то душа була” (ПА, Дубровица, Хойниц., Гом.), „Душа – это тень человека. Когда человек умирает до срока, его тень (душа) может ходить” (ПА, Великий Бор, Хойниц., Гомел.), ср. также серб.: „Душа је сенка. Кад човек умре из њега изађу његова сенка”. Душой считали светящееся облачко над свежей могилкой (ПА, Николаево, Каменец., Брест.)» [Толстая 2000: 75, 76].

Немецкий психолог Вильгельм Вундт считал представления о «свободной душе» в ее разновидностях: душа-дыхание и душа-тень – более поздними по сравнению с представлениями о «телесной душе», помещавшейся в крови и органах тела [Токарев 1997: 414].

По польским, словацким и карпатоукраинским верованиям, умерший двоедушник является причиной сильных бурь, ливней, града, иногда считают, что после смерти двоедушник становится атмосферным демоном *ветреником*, который способен забирать воду, задерживать дожди, превращать их в бури и отправлять их на поля (закарпат.) [Левкиевская, Плотникова 1999: 30].

Видимо, здесь надо искать ментальный и семантический сдвиг от «двоедушника» к погодному демону, комплекс представлений о котором у славян стоит особняком и представлен, видимо, лишь на Карпатах и Балканах.

Представления об облакопрогонниках, или погодных демонах – *чернокнижниках, планетниках и хмарниках (хмурниках)* на Карпатах, с одной стороны, примыкают к поверьям о людях силы, «знающих», то есть живых людях с необыкновенными способностями, а с другой – к поверьям о нечистой силе, о душах нечистых умерших, которые «водят» тучи.

Это демоны, живущие в тучах, или полудемоны, защищающие село от ливней и града; при приближении градовой тучи они крепко засыпают и «улетают» в небо, втягиваются в тучи и борются там с «чужими» облакопрогонниками или вредоносными демонами непогоды, как правило, представляемыми в образе дракона. Словацкий чернокнижник сам летает верхом на драконе и направляет его вместе с градом, который он несет, на пустые горы.

Термины от основ *čern + kniž-*: словац. *čiernokňazník (čarnokňazník, černoknižník), černokřižník*, называемый также *chmurník, chmarník, planetník, veterník* (Замагурье, Спиш) ‘демонологический персонаж, который управляет природными стихиями’; ‘ведьмак-предсказатель’ (Орава, Верхнее Погроенье, Горный Спиш, обл. Белых Карпат, обл. Гемер и Малогонт); укр. гуцул. *чорнокнижник* ‘человек, который отводит грозные тучи, град’, в говорах галицких лемков *чорнокнижник* град спускает, тучи разгоняет; пол. *czernokniżniki* ‘люди, которые с земли отвращали тучи от своего села специальными заклятьями’; *planetniki* ‘чернокнижники, которые происходят из душ висельников’, *czarno-księżnicy lub planetnicy* ‘люди, умеющие отводить или вызывать бурю и град’ (Жешов., Любел. воев. [Peřka 1987: 68]).

Слова от корня *хмур-/хмар-*: словац. *chmurník, chmarník* ‘чернокнижник’ (Замагурье, Спиш), *chmarník, hmurník* ‘высокий мужчина в длинном, изорванном молниями плаще, летающий на трехголовом драконе (*smok*), живущем в тучах’ (Замагурье); укр. карпат. *хмарник* ‘облакопрогонник, который при приближении градовой тучи способен бороться со злыми духами, не допуская град на сельские уголья’; русин. *гонихмарник* ‘злой дух’, пол. *chmarniki, chmurniki* ‘демоны, разносящие тучи с градом по свету’, ‘духи, которые живут в тучах – духи некрещеных детей, заложных покойников’ [Peřka 1987: 60–61; Валенцова 2013: 196–197].

Точно так же действуют и ю.-слав. персонажи: серб. и черногор. *здухачи, облачари* (Срем), *градобранители* (Поцере), *стува* (герцего-

вин.), *вједогоња* (з.-серб., черногор.), *вјетровњак* (з.-серб., черногор.) и др. [Левкиевская 1999: 152], т. е. люди-двоедушники. Во время сна душа здухача (им может быть и животное) покидает тело и отправляется на борьбу с демоническими противниками – драконами аждая и ала [Плотникова 1999: 303]. Аналогами персонажа в других балканославянских регионах выступают демоны-защитники: *змај* (в.-серб.), *змеј* (болг.), *змее* (макед.) и люди с демоническими свойствами (родившиеся от связи змея с женщиной): *змаевит човек* (в.-серб.), *аловит човек* (в.-серб.) [Плотникова 2004: 223, 658–665].

Этот мотив борьбы двух (партий) двоедушников – «своих и чужих», защитников и вредителей, в Словакии перенесен на землю: в начале XX в. записаны былички о борьбе души знахаря (*vraž, vražec, vražač*) с вампиром на его могиле с целью защитить село от его «хождений». Эти знахари – «такие же, каким был умерший, т. е. с двумя сердцами, идут с ним на бой: <труп> не выкапывали, но после битвы из могилы выходит пламень: если красный, победил живой, если синий, то мужчины из села начинают колоть могилу вилами, чем помогают против вампира (Реметске Гамре, окр. Собранце, в.-словац.) [AT ŮEt, inv. č. 50].

Хотя у южных славян нет термина *двоедушник*, но «мотив выхода души из тела демона-героя во время сна для воздушной битвы с противником» [Плотникова 2004: 224] определенно можно трактовать как указание на двоедушие полудемона, поскольку вторая душа остается в нем во время его сна. Кроме того, есть поверья, например, у македонцев-мусульман (Скопска Котлина), что одна душа всегда при человеке, а вторая блуждает, когда он спит, и это человек видит во сне [Толстая 2000: 59–60]. По другому сербскому поверью у знахарки душа, которая борется с нечистой силой, выходит из тела при зевании [Толстая 2000: 68].

В других восточнославянских традициях представления о двоедушничестве не эксплицированы, однако существуют поверья о возможности души временно покидать тело и возвращаться в него. В Полесье этот мотив связывается с ведьмой, волколаком, а также с обычным человеком, у которого душа во время сна вылетает изо рта в виде мухи, а перед пробуждением возвращается обратно [Толстой 1983: 69–70]. Известны также русские поверья о *двуужильной лошади*, имеющей вампирические свойства: появление такой лошади в хозяйстве влечет за собой гибель других домашних животных [Журавлев 1994: 26, 59]. В кашубском заговоре от сглаза имплицитно подразумевается болезнь от двоедушника, где 4 глаза можно трактовать как глаза двух душ сглазившего: *Štěrě očě ce vřizalě, dva řex jidq preč, v jirŋq Ojca i Sina*

i Duḫa Sṽqtēgo (Четыре глаза тебя видели, два пусть идут прочь, во имя Отца и Сына и Святого Духа) [Sychta 1973: 29].

Мотив множественности душ знаком или был знаком чуть ли не всем народам мира (египтянам, древним грекам, африканским племенам, народам Индокитая и др.), поэтому его можно считать мировым мотивом. Например, «тюркоязычные народы Сибири (алтайцы и др.) различают Д<уши> *тын* (дыхание, не отделимое от человека), *кут* (жизненная сила, похищение которой влечет за собой смерть), *сюр* (призрак, двойник, который может отделяться от тела), *кёртёс* (букв. «невидящий», дух умершего): *ару-кёрмёс* («чистый») и *дьяман-кёрмёс* («нечистый, злой»)), то же находим в древнекитайских мифологических представлениях [Токарев 1997: 414].

Наиболее близкими к славянским представлениям о наличии нескольких душ являются финно-угорские параллели, в первую очередь, венгерские.

Так, у коми рассказывают, что у человека есть душа *орт* (двойник), которая через год после смерти человека переселяется в птицу или камень или умирает, и душа-дыхание *лов* (*лол*), покидающая тело человека после смерти в виде пара (бабочки, мыши) [Петрухин 2003: 227]. У удмуртов сохранились представления о двух душах, которыми наделен каждый человек: *урт* (дух-двойник человека, воплощение его душевного и физического здоровья и счастья – доли) и *лул* (невидимая душа) [Петрухин 2003: 251–252]. У обских угров (ханты и манси), ближайших родственников венгров, верили, что у мужчин есть 5 (7) душ, тогда как у женщин – 4 (6). Различали душу-дыхание – *лили* (у хантов – *лил*) и душу-тень – *ис*. Душа *ис*, или «вторая душа», которая путешествует в загробный мир вниз по реке, может иметь облик человека, птицы и даже комара [Петрухин 2003: 416].

У венгров сохранилось представление о двух душах, имеющих у каждого человека. Душа-дыхание *лелек* покидает тело только после смерти. Другая душа – тень, или свободная душа, покидает тело во время сна и странствует в образе мыши. «Возможно, ее древним обозначением было слово *иж*, родственное наименованию души-тени *ис* у обских угров», которое стало обозначать у венгров злого духа, духов болезни и саму болезнь [Петрухин 2003: 435]. Ср.: «венг. *iz* 'душа усопшего, душа-тень' / *lélek* 'душа-дыхание'» [Дукова 2015: 136].

Аналогичные примеры для названия души-дыхания приводит К. Мошинский: венг. *lélek*, остяц. (хант.) *lil*, вогул. (манси) *lili*, зырян. (коми) *loli*, вотяц. (удмурт.) *lul*, в то время как лап. *lievl* 'пар', фин. *löyly* 'водяной пар', эст. *leil* 'пар, дыхание, жизнь' [Moszyński 1967: 590–591].

Эти общие для финно-угров представления и терминологию в Европу принесли, видимо, мадьярские племена, поселившиеся в IX веке в Паннонии, а до этого почти два тысячелетия кочевавшие по степям Прикаспия и северного Причерноморья и совершившие не один военный поход на Балканы и в Европу. Об угорском влиянии свидетельствует не только особый тип пастушеской культуры, отгонного овцеводства, который, принесли сюда венгерские племена, но и многочисленные культурные и языковые заимствования во всем регионе юго-восточной Европы, более всего, конечно, на Карпатах.

Можно упомянуть венгерские поверья, сходные с балканскими и карпатскими своими специфическими, неизвестными другим славянским регионам, мотивами, например: венгерский шаман-талтош родится со знаками, отличающими его от других людей: с зубами, с волосатым телом, с копытами (ср. славянские поверья о рожденных с зубом как двоедушниках); в семилетнем возрасте «во время грозы он исчезает в туче или уносится в виде вихря на небо» [Петрухин 2003: 427] (ср. слав. *хмурников* и *планетников*), где старые талтоши учат его управлять стихиями и самому передвигаться со скоростью вихря. «Талтош может защищать свое селение от другого, враждебного, чародея. Во время грозы в тучах видны две группы сражающихся друг с другом талтошей» [Петрухин 2003: 427] за урожай своей земли (ср. аналогичные мотивы у балканских славян). Он может быть и противником ведьм, босорканей [Петрухин 2003: 427]. Считалось, что он мог видеть сокровища в земле, мертвых в их могилах; мог лечить, предсказывать будущее. Эти мотивы присутствуют, например, в словацкой традиции.

Имеется в карпато-балканском регионе и заметное количество терминов и лексем, в первую очередь, из сферы пастушеской культуры, но также и демонологических представлений, которые являются мадьяризмами, например, *bosorka*, *šarkan*, *tátoš*.

В с. Остурня (Замагурье, словацко-польское пограничье) была записана информация о «каком-то существе», «скорее духе» по имени *Lelet*: «ночью он зовет человека: „Иди сюда, иди сюда!“ и заводит в лес [соб. зап., 2013, инф. Йозеф Смоленяк] – имя которого практически совпадает с венг. *lelek*, *lilek* и др. финно-угорскими наименованиями души-дыхания, а семантически – со второй душой *ис* (*орт*, *урт*), а славянского этимона не имеет.

Видимо, того же происхождения польское имя черта *lelek*, выступающее также в бранных формулах и фразеологических оборотах [Санникова 1990: 67], гуцул. *лілік* ‘летюча миша, кажан’ [Хобзей 2013: 365],

болг. *лил'ак*, *лилек*, *лулек* и т. п. 'летучая мышь', которое проникло и в румынский – *liliac* [Младенов 1975: 230].

Комплекс соответствий, как в области мифологии и демонологии, так и в лексике, дает основание предполагать угорский культурный адстрат – и на Балканах (хотя влияние древних венгров там было более кратковременным, и в этом случае надо говорить о сильном болгарском влиянии), и, особенно, на Карпатах, где за более чем 1000-летнюю историю венгры обменялись с соседними народами многими элементами духовной и материальной культуры.

Компактный ареал распространения поверий о двоедушниках у славян, а также их исключительно славянская терминология, в остальных регионах не сформировавшаяся, указывают на достаточно поздний, угорский источник этих верований. По всей видимости, древние мадьяры не имели или не сохранили единое родовое обозначение для феномена двоедушия в связи с регулярностью веры в наличие двух душ у каждого человека.

Библиография

- Белова Ольга, 1999, *Еврей*, в: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Никиты Толстого, т. 2, Москва: Международные отношения, с. 173–176.
- Березкин Юрий, *Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог*, <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>
- Валенцова Марина, 2013, *Словацкая мифологическая лексика на общеславянском фоне (этнолингвистический аспект)*, в: *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации*, отв. ред. Александр М. Молдаван, Светлана Толстая, Москва: Индрик, с. 186–206.
- Дукова Уте, 2015, *Наименования демонов в болгарском языке*, перев. с немецкого Киры Задоя, отв. ред. Ирина Седакова, Москва: Индрик.
- Журавлев Анатолий, 1994, *Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки*, Москва: Индрик.
- Керча Игорь, 2007, *Словник русинсько-руськый. Русинско-русский словарь*, т. 1 А–Н, т. 2 О–Я, Ужгород: ПолиПринт.
- Левкиевская Елена, 1999, *Колдун*, в: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Никиты Толстого, т. 2, Москва: Международные отношения, с. 528–534.
- Левкиевская Елена, 1999а, *Духи атмосферные*, в: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Никиты Толстого, т. 2, Москва: Международные отношения, с. 150–153.

- Левкиевская Елена, Плотникова Анна, 1999, *Двоедушники*, в: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Никиты Толстого, т. 2, Москва: Международные отношения, с. 29–31.
- Маринов Димитр, 1914, *Народна вяра и религиозни народни обичаи*, в: *Сборник за народни умотворения*, кн. 28, София: Държавна печатница.
- Младенов Максим, 1975, *Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах*, в: *Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов*, отв. ред. Галина Клепикова, Москва: Наука, с. 220–235.
- Никифоровский Николай, 1995, *Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе*, Витебск: Издатель Н. А. Паньков.
- Николаев Сергей, Толстая Марфа, 2001, *Словарь карпатоукраинского торуньского говора. С грамматическим очерком и образцом текстов*, Москва: Институт славяноведения РАН.
- Петрухин Владимир, 2003, *Мифы финно-угров*, Москва: Транзиткнига.
- Плотникова Анна, 1999, *Здухач*, в: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Никиты Толстого, т. 2, Москва: Международные отношения, с. 303–305.
- Плотникова Анна, 2004, *Этнолингвистическая география Южной Славии*, Москва: Индрик.
- Плотникова Анна, 2009, *Мифологические ипостаси тени на Балканах*, в: *Переходы. Перемены. Превращения. Балканские чтения – 10. Тезисы и материалы*, отв. ред. Ирина Седакова, Москва: Институт славяноведения РАН, с. 141–143.
- Плотникова Анна, 2009а, *Народная демонология Закарпаття в этнолингвистическом аспекте (география ближайших параллелей)*, в: *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции*, Екатеринбург: Издательство Уральского университета, с. 215–216.
- Санникова Ольга, 1990, *Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении*, Дисс. канд. филол. наук, Институт славяноведения РАН, Москва.
- Соб. зап. – собственные записи этнолингвистической экспедиции в с. Остурня, окр. Кежмарок, Восточная Словакия, 2013 г.
- СРНГ 1996 – *Словарь русских народных говоров*, гл. ред. Ф. П. Сороколетов, вып. 30, Санкт-Петербург: Наука.
- Токарев Сергей, 1997, *Душа*, в: *Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах*, гл. ред. Сергей Токарев, 2-е изд., Москва: Советская энциклопедия, с. 414–415.
- Толстая Светлана, 1999, *Душа*, в: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Никиты Толстого, т. 2, Москва: Международные отношения, с. 162–167.
- Толстая Светлана, 2000, *Славянские мифологические представления о душе*, в: *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология*, отв. ред. Светлана Толстая, Москва: Индрик, с. 52–95.
- Толстой Никита (ред.), 1983, *Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования*, Москва: Наука.
- Троева-Григорова Евгения, 2003, *Демоните на Родопи*, София: IMIR.

- Усачева Валерия, 1995, *Босорка*, в: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, под общей ред. Никиты Толстого, т. 1, Москва: Международные отношения, с. 241–242.
- Хобзей Наталія (ред.), Ястремська Тетяна, Сімович Оксана, Дидик-Меуш Ганна, 2013, *Гуцульські світи. Лексикон*, Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України.
- AT ÚEt – Archiv textov Ústavu etnológie SAV, Bratislava.
- Blagoeva-Neumanová Tatiana, 1976, *Ludová démonológia na Zamagurí v kontexte a v koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov*, Bratislava: Rigorózna práca. Univerzita Komenského.
- Encyklopédia 1995 – *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*. т. 1–2, [Bratislava]: Veda.
- Habovštiak Anton, 2006, *Oravci o svojej minulosti. Reč a slovesnosť oravského ľudu*, Martin: Vydavateľstvo Matice Slovenskej.
- Kolanowska Karolina, 2012, *Demonologia*, в: *Kultura ludowa Górali Spiskich*, ред. Urszula Janicka-Krzywda, Kraków: COTG PTTK, с. 299–310.
- Lehr Urszula, 1982, *Wierzenia demonologiczne we wsi Obidza (region sądecki) w świetle badań empirycznych*, „Lud”, т. 66, с. 113–149.
- Lehr Urszula, 1984, *Wierzenia w istoty nadzmysłowe*, „Etnografia Polska”, т. XXVIII, ч. 1, с. 223–250.
- Moszyński Kazimierz, 1967, *Kultura ludowa Słowian*, т. II, *Kultura duchowa*, ч. 1, Warszawa: Książka i Wiedza.
- Pełka Leonard J., 1987, *Polska demonologia ludowa*, Warszawa: Iskry.
- Ripka Ivor (ред.), 1994, *Slovník slovenských nářečí*, ч. 1, Bratislava: Veda.
- SMS – *Sborník Matice Slovenskej pre jazykozpyt, národopis, dejepis a literárnu históriu*, Martin: Matičná správa, 1922–42.
- Sychta Bernard, 1973, *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, т. 6, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Multiplication of the Soul: Slavic Popular Beliefs About the Two-Soulers

Summary

The article deals with the Carpathian and Balkan Slavic beliefs about the *dvoyedushniki* (sing. *dvoyedushnik*), people with two souls: witches, sorcerers, vampires, and especially – atmospheric demons. Similar beliefs are found among many other peoples, including peoples of the Finno-Ugric group. It is suggested that the beliefs about *dvoyedushniki* were activated and developed by old Magyars and other nomadic tribes, who appeared in the South-Eastern Europe during the 2nd half of the first millennium AD. The Finno-Ugric idea that every human possesses two souls, and beliefs about the *taltos*, the magician who could control storm clouds, was

transformed among Slavs into the belief about semi-demons who had two souls (or two hearts) and because of this could control the weather. Slavic terminology indicates a relatively late formation of those characters in the Carpathians. Terminology of this kind has not arisen in other Slavic regions.

Keywords: ethnolinguistics, Slavic demonology, Carpathian-Balkan parallels, *dvoyedushnik*, Finno-Ugric influence.